

Социальная роль и особенности организации знаний о прошлом в контексте становления «общества знаний»

О. А. Матусевич,
доцент кафедры философии и права,
Белорусский государственный
технологический университет

Современные научные концепции развития общества обращают внимание на особую роль информации и знаний не только в развитии экономики, но и в конструировании социальной реальности. В формировании национальной идентичности и социальной интеграции особую роль играет историческое знание, в новой информационно-коммуникационной ситуации происходят изменения в организации и функционировании как научного, так и ненаучного исторического знания.

Развитие «экономики знаний» возможно в особой социокультурной среде, насыщенной разнообразными когнитивными стратегиями и конкурирующими знаниями, отличными не только по содержанию, но и по форме. Формирование представления об «обществе знаний» связано с осознанием изменения социальной роли и экономического значения науки в социуме, в первую очередь естественных и технических наук. Однако социально-гуманитарные науки не остаются в стороне от происходящих перемен: изменяется не только их статус в обществе, но и содержательная, и процедурная стороны научной деятельности.

В среде гуманитариев активизировались дискуссии о дисциплинарном статусе социально-гуманитарных исследований и возможности практического применения полученных результатов. Наблюдается определенная трансформация в производстве и потреблении исторического знания, что не всегда связано с изменениями в профессиональной научной среде, которые фиксируются социологией науки и историографией, а скорее с влиянием информационно-коммуникационных преобразований в современном обществе. Попытаемся проанализировать особенности социальной роли и организации знания о прошлом в контексте становления «общества знаний» исходя из устоявшихся в научной среде характеристик нового типа общества: «насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием», «замещение других форм знаний наукой», «развитие науки в качестве непосредственной производительной силы», «появление научной и образовательной политики», «трансформация основы легитимации власти в направлении специализированного знания», утилитарный подход к знанию [1, с. 67].

Характерное для «общества знаний» насыщение всех сфер жизни и деятельности научными знаниями проявляется в масштабном инструментальном использовании истории и ее коммерциализации. Развитие специализированной научной политики в обществе нашло выражение в актуализации проблемы исторической политики, наличие которой осознавалось/признавалось и раньше не только профессиональным научным сообществом, но и политической элитой в силу особой роли истории в формировании национальной идентичности и мобилизации общества для политических нужд. Инструментализация истории также вызвана свойственной «обществу знаний» ориентацией на производство знания, направляемого ожиданиями полезности и практического применения, что привело к попыткам разработать гуманитарные и социальные технологии.

В современном обществе основой конкурентных преимуществ становится успешная эксплуатация знаний о прошлом. И определяющим моментом является не производство исторического научного знания, а его умелое использование, интерпретация и создание определенного околонучного медиаконтента с целью эффективного воздействия информации на целевую аудиторию. С подобной практикой

научному сообществу ни по привлекательности репрезентации знания и эмоциональности воздействия, ни по финансовым вложениям не получится конкурировать. Своеобразным ответом на сложившуюся ситуацию стало появление специальной исторической субдисциплины *Public history*, которая не тождественна популяризации научных исторических знаний, а предлагает абсолютно новое видение взаимодействия профессиональных историков и общества. Это способ повысить профессиональный уровень работы с историей в публичном пространстве, попытка историков «пойти в народ» и участвовать в художественном освоении истории, создании исторических реконструкций, политических дебатах по вопросам прошлого, т. е. культурном потреблении истории и медийных презентациях прошлого.

В «обществе знаний» информация и знания становятся стратегическим ресурсом, сопоставимым по значению с природными и экономическими ресурсами. Во многом это верно и по отношению к историческому знанию [2; 3]. Историю можно рассматривать как «нематериальный актив». Историческое знание предстает в виде социальной технологии для повышения уровня солидарности общества. В то же время оно превращается в информационный продукт, который становится общественным достоянием и может использоваться для получения коммерческой или иной выгоды (например, политических дивидендов). Поэтому история приобретает не только издавна известный политический и культурный интерес, но и экономический (туризм, исторические реконструкции, компьютерные игры и другие способы экономической «эксплуатации» исторической тематики).

Обозначенный исследователями «гносеологический анархизм» в «обществе знаний» [1, с. 68] отражается в кризисе исторической науки, распространении идеи относительности исторической картины мира, плюрализме подходов и теорий, демократизации исторического ремесла. Это способствовало распространению утверждения о том, что каждый может писать свою историю. В отличие от других наук, изобилие исторических знаний и их конкуренция рассматриваются, с одной стороны, как недостаток конкретной научной дисциплины, с другой – как угроза целостности национального самосознания, как источник растущей социальной неопределенности. Подобная ситуация сложилась в результате особенностей функционирования знания в новых условиях, когда разнообразие ставится выше нормы, строгой дисциплинарности и системности [1, с. 68]. В новых условиях требуется способность создавать многообразие (ассортимент), в том числе в сфере информации и производства знаний. Наука превратилась в отрасль, поэтому привлечение потребителей и инвестиций стало требованием времени, кардинально изменив положение ученого в обществе и условия его труда, поскольку коммерческий успех никогда не был мерилем истинности в науке и профессионализма ученого.

С точки зрения организационной структуры знаний о прошлом можно говорить об источниках, механизмах и содержании знаний [4]. В каждом из вышеуказанных элементов наблюдаются изменения, происходящие под воздействием становления нового типа общества. К традиционным историческим и историографическим источникам, живому социальному опыту (коммуникативной памяти поколений), живописи, литературе в современном обществе добавились новые медиаисточники. Кроме уже ставших привычными в XX в. периодических изданий, радио и телепередач, исторических кинофильмов, в наше время широкое распространение приобретает Интернет, который не только делает более доступным профессиональные источники (например, разного рода архивы), но и сам становится востребованным источником исторической информации. При этом работа с контентом мировой паутины не дает оснований подтвердить тезис о вытеснении научными знаниями других форм знаний. Наоборот, можно говорить об уравнивании в восприятии индивидом знаний и информации, о чем также свидетельствует влияние исторического контента телевидения (фильмы, сериалы) на формирование массовых представлений о прошлом [5, с. 4–5].

О росте влияния науки скорее свидетельствует наукообразность публичного исторического дискурса, нежели его научное содержание. Удельный вес информации о прошлом, циркулирующей в обществе, довольно велик, однако научность ее содержания серьезно варьируется в зависимости от источника, и нет оснований утверждать, что профессионально созданные источники будут преобладать или даже играть системообразующую роль в формировании исторического сознания общества.

Живой социальный опыт как источник знаний о прошлом также претерпел некоторые изменения в связи с увеличением средней продолжительности жизни, что расширяет диапазон коммуникации между поколениями. Способом интенсификации использования этого источника знания является «устная история», которая вводит, в том числе и в научный оборот, большой массив исторической информации, научная ценность которой неоднородна. Непрофессиональное использование этого источника информации ведет к уравниванию в восприятии потребителя таких часто диаметрально противоположных понятий, как воспоминания и исторический факт.

Если рассматривать механизмы формирования знаний о прошлом, то на уровне индивида (потребителя информации) они определяются когнитивными способностями личности, которые еще недостаточно хорошо изучены. Другой уровень представлен особенностями формирования знаний в среде ученых. Производство и циркуляция знаний в рамках профессионального исторического сообщества претерпевают определенные изменения в связи со сменой типов научной рациональности, стандартов научной деятель-

ности, научной коммуникации, по сути, в связи с преобразованием институциональных условий труда историка (рост меж- и трансдисциплинарности, влияние естественно-технических практик научной деятельности, включая коллективный характер исследований и особенности финансирования исследовательских проектов). Отмечается рост численности и влияния неэкспертных групп на формирование знаний о прошлом, что во многом и породило такой феномен современности, как «бум памяти» («войны памяти»). Данные группы (этнические, религиозные, гендерные и т. д.), даже если не претендуют на формирование научного исторического знания, активно продуцируют социальные представления о прошлом, которые играют системообразующую роль для функционирования группы, легитимируют ее существование и создают групповую/коллективную идентичность. Демократизация доступа к историческим источникам и целевой аудитории ведет к увеличению объема исторических знаний при общем снижении доли научного знания, что, в свою очередь, является источником растущей неопределенности в общественном сознании и девальвации доверия к исторической науке.

В рамках «общества знаний», видимо, существенные изменения будут происходить именно в содержании массовых представлений о прошлом. Причиной тому могут послужить успехи в когнитивных исследованиях и социальной психологии, что позволит повысить эффективность как обучения, так и механизмов воздействия на личность различных источников информации. При этом не стоит ожидать увеличения доли научных знаний в массовом обиходе, поскольку существующая практика работы с историческим материалом в публичном пространстве нередко представляет собой простую реконфигурацию или реструктуризацию имеющейся информации, что ведет к производству новой информации, но не знаний. В связи с этим в условиях компьютерной и коммуникационной революций мы наблюдаем катастрофический рост информации и отстающие темпы производства нового знания.

В современных условиях отдельной сферой деятельности становится управление знаниями, или менеджмент знаний, что, несомненно, затронет социально-гуманитарное знание не столько в рамках научного сообщества, сколько на уровне функционирования об-

щества в целом. Применительно к историческим знаниям следует ожидать дальнейшей инструментализации и политизации в связи с использованием знаний о прошлом для решения стратегических национальных, дипломатических, предвыборных и иных задач, отвечающих конкурентным вызовам со стороны политических оппонентов или враждующих сторон. Исторические знания будут восприниматься не только как интеллектуальный актив или интеллектуальный капитал, но и как источник конкурентных преимуществ. И в этой ситуации нельзя не отметить, что стратегические намерения элит, проводящих историческую политику, будут оказывать непосредственное влияние на формирование новых знаний, в то время как влияние исторических знаний на стратегические намерения «власть держащих» представляется весьма сомнительным.

Учитывая общественное значение социальных представлений о прошлом, которые конституируют коллективную/национальную идентичность и существующую социальную/политическую реальность, можно предположить, что в «обществе знаний» с ростом значения информации и ее доступности, а также в процессе коммерциализации знаний о прошлом, изменения форм репрезентации исторического знания неэкспертными группами усилятся мозаичность обыденного исторического сознания, вплоть до противоречивости и конфликтности социальных представлений о прошлом.

Список использованных источников

1. Липай, Т. П. Общество знаний: парадоксы развития / Т. П. Липай, А. К. Мамедов // Социология: научно-теоретический журнал. – 2011. – № 3. – С. 65–72.
2. Калинин, И. Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс / И. Калинин // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4. – С. 330–339.
3. Калинин, И. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты / И. Калинин // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/k18.html>. – Дата доступа: 12.09.2017.
4. Савельева, И. М. Социальная организация знаний о прошлом. Аналитическая схема / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Диалог со временем. – 2011. – № 35. – С. 7–18.
5. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 52 с.

Аннотация

В статье анализируется роль научного и ненаучного исторического знания в современном обществе, а также влияние становления нового типа общества – «общества знаний» на организацию знаний о прошлом, а именно источники, механизмы и содержание исторических знаний и обыденных представлений о прошлом. Автор приходит к выводу, что несмотря на возрастание роли науки в обществе научные исторические знания не вытеснят ненаучные формы знаний о прошлом и не будут играть определяющую роль в формировании исторической/социальной памяти населения.

Summary

The author analyzes the role of scientific and non-scientific historical knowledge in modern society as well as the influence of the formation of a «knowledge society» on the organization of knowledge about the past, on the sources, mechanisms and content of historical knowledge and social representations of the past. The author comes to the conclusion that, despite the growing role of science in society, scientific historical knowledge will not supplant non-scientific forms of knowledge about the past and will not play a decisive role in the formation of historical / social memory.